
Изъ воспоминаній проф. В. Пѣвницкаго.

Хожденіе по приходу.

По обычаю, наслѣдованному отъ прежнихъ временъ, члены причта Васильевского погоста, въ годы моего дѣтства обходя дома прихожанъ съ молебнымъ пѣніемъ въ великіе праздники, брали съ собою дѣтей—подростковъ мальчиковъ и учившихся въ школѣ. Дѣтямъ при этомъ, сопровождавшимъ своихъ отцовъ, давали прихожане каждому по мелкой монетѣ,— по копейкѣ гдѣ, въ другомъ домѣ по грошу, а иногда по пятаку и даже гривнѣ (деньги тогда считались на ассигнаціи). Изъ этихъ подавій набиралось рубля четыре или пять на ассигнаціи.

Такое хожденіе по приходу членовъ причта, въ сопровожденіи дѣтей, было два раза въ году, на Пасху и на Рождество Христово.

На Пасху хожденіе причта по приходу продолжалось почти цѣлую недѣлю, начинаясь съ понедѣльника и оканчиваясь въ субботу. Только первый день Пасхи члены причта проводили дома, и къ нимъ являлись для поздравленія почетнѣйшіе изъ прихожанъ. Ходили по приходу съ иконами,—носили три иконы,—икону Воскресенія Христова, Божіей Матери и святителя Николая чудотворца. Три причта было въ погостѣ, и каждый съ указанными иконами ходилъ по домамъ своихъ прихожанъ. Въ иныхъ деревняхъ дома раздѣлены были между двумя причтами, и каждый домохозяинъ ждалъ и встрѣчалъ только тѣ иконы, которыя слѣдовали съ священникомъ, духовнымъ отцомъ его. (Въ другихъ приходахъ носили по пяти, даже по семи иконъ). Для ношенія иконъ приглашались или вызывались сами желающіе изъ прихожанъ, и избранные изъ нихъ три человека назывались въ народѣ „богоносцами“, и каждый изъ нихъ бралъ на себя ношеніе одной опредѣленной иконы. Такъ какъ приходъ Васильевского погоста разсѣянъ былъ по нѣсколькимъ деревнямъ, отстоящимъ одна отъ другой на нѣсколько верстъ, то богоносцы цѣлую недѣлю не возвращались домой, и ночевали обыкновенно въ той деревнѣ, въ которой на ту ночь оставались иконы. „Богоносцы“ носили иконы собственно въ деревняхъ изъ

дома въ домъ, а когда иконы нужно было переносить изъ погоста въ деревню, или изъ одной деревни въ другую,—жители той или другой деревни брали на себя эту обязанность. Брали иконы избранные изъ жителей деревни и несли ихъ въ сопровожденіи большой толпы народа, иногда заключающей въ себѣ почти все народонаселеніе деревни. Во время несенія иконъ сопровождающая ихъ народная толпа громогласно, не умолкая, пѣла: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ*. Пѣніе часто было перемѣнное: разъ пропоютъ мужчины, вслѣдъ за ними женщины, а потомъ опять мужчины и т. д. Шествіе простиралось версты на четыре, и пѣніе сотенъ голосовъ, усердствовавшихъ изо всей силы, разносилось далеко по окрестности. Слѣдованіе съ иконами по деревнямъ прихода всегда было по однажды установленному порядку, и каждая деревня знала, когда приблизительно принесутъ въ нее иконы, и потому, когда жители одной деревни провожали иконы, другіе шли встрѣчать ихъ, тогда толпа, сопровождавшая несшихъ иконы, увеличивалась, и пѣніе становилось еще громогласнѣе. Замѣтить нужно, что въ деревняхъ Васильевского прихода до тѣхъ поръ, пока не обнесутъ иконъ по всѣмъ домамъ деревни, по завѣту стариковъ, никто не дерзалъ пѣть свѣтскихъ пѣсенъ, и только послѣ того, какъ проводятъ причтъ и иконы, разрѣшалось молодежи пѣть пѣсни и предаваться доступнымъ для деревни увеселеніямъ.

Пришедши въ деревню, члены причта и сопровождавшіе ихъ, въ преднесеніи иконы, ходили по порядку изъ дома въ домъ, въ каждомъ домѣ пѣли пасхальный молебенъ, и послѣ молебна христосовались, и получали по красному яичку отъ христосовавшихся. Затѣмъ каждый домохозяинъ просилъ всѣхъ присѣсть и откусать хлѣба-соли, угощали брагою, предлагалось и вино, а хозяйки предлагали пшеничную кашу, обильно политую масломъ. Пшеничная каша, политая масломъ, была необходимою принадлежностію трапезы, предлагаемой въ каждомъ домѣ. Нельзя было отказаться отъ предлагаемаго угощенія; прихожанинъ сочелъ бы себя обиженнымъ, если бы не захотѣли у него присѣсть и чего нибудь закусить. Отъ этого такъ долго продолжалось хожденіе по приходу. Но такъ какъ угощенія были очень часты и многочисленны, то они принимались въ очень малой дозѣ, и причтъ сохранялъ полное воздержаніе отъ хмельнаго; никого изъ нихъ не могли обвинять въ нетрезвости. Отъ утра до вечера ходили всѣ бодрые и трезвые, хотя къ концу дня не могло не чувствоваться нѣкоторой усталости. Въ части прихода моего отца было три дома раскольниковъ. Когда очередь доходила до нихъ, домохозяинъ раскольникъ выходилъ къ воротамъ своего дома, стоялъ безъ шапки въ ожиданіи причта, и когда причтъ приближался къ его дому, онъ просилъ, чтобы иконы несли дальше въ домъ православныхъ, а чтобы священникъ съ причтомъ и сопровождавшими его зашелъ къ нему въ домъ. Здѣсь молебнаго пѣнія не было, а только предлагалось угощеніе, и угощеніе болѣе обильное, чѣмъ у другихъ, потому что раскольники были люди зажиточные и плату причту они давали меньшую, чѣмъ православные. По обходѣ всѣхъ домовъ селенія, выходили съ иконами на поле, и тамъ служили общій молебенъ.

Хожденіе по приходу съ иконами въ пасхальную недѣлю начиналось, какъ мы говорили выше, съ понедѣльника. Первѣе всего иконы несли въ деревню Коржавино (въ часть прихода моего отца), гдѣ было два помѣщичьихъ дома,—Епишевыхъ и Баскаковыхъ, для чего приходили жители Коржавина, и, взявши въ церкви иконы, несли ихъ до своей деревни, отстоящей отъ погоста версты четыре. Изъ Коржавина, но обходѣ всѣхъ домовъ деревни, отправлялись въ д. Охеево, гдѣ нѣсколько домовъ было въ приходѣ моего отца, а другая часть въ приходѣ о. Михаила Воскресенскаго; изъ Охеева въ Пестепкино, гдѣ тоже жители раздѣлены были между двумя причтами,—меньшая часть принадлежала моему отцу, а большая о. Борису Обтемперанскому, изъ Пестепкина—въ Дмитровку, носившую еще другое названіе „Валово“, опять принадлежащую не одному причту. Изъ Дмитровки отправлялись въ Окулово, изъ Окулова—въ Выползово, изъ Выползова—въ Михайлово. Послѣднія три деревни были довольно большія, и всѣ онѣ цѣликомъ числились въ приходѣ моего отца. Въ Михайловѣ, отстоящемъ отъ погоста версты на двѣ, заканчивалось пасхальное обхожденіе домовъ прихожанъ, и оттуда къ вечеру въ субботу приносили иконы въ церковь, и члены причта возвращались домой.

Въ пасхальную недѣлю, когда Пасха была въ концѣ марта или началѣ апрѣля, бывала часто большая распутица, отъ таянія снѣговъ дороги портились, рѣки (Кортань и Илевна) разливались и входили изъ береговъ, и было немалое затрудненіе въ сообщеніяхъ между селеніями прихода. Но усердіе прихожанъ преодолевало всѣ затрудненія. Члены причта и ихъ дѣти перевозились изъ деревни въ деревню на повозкахъ, запряженныхъ часто тройками, снаряжаемыми усердіемъ прихожанъ, и онѣ лихо проѣзжали версты двѣ или три между сосѣдними деревнями и по испорченнымъ дорогамъ, по рыхлому и мокрому снѣгу, или по котловинамъ, наполненнымъ водою.

На рождественскіе праздники славленіе было болѣе короткое: оно все продолжалось только три дня, первый, второй и третій день праздника. Иконъ не носили въ этотъ праздникъ, а только священникъ ходилъ съ крестомъ, и его сопровождали тѣ же члены причта и ихъ дѣти, что и въ Пасху. При посѣщеніи домовъ прихожанъ пѣли первый ирмосъ праздничнаго канона, тропарь и кондакъ праздника. Угощенія послѣ не предлагалось, и обхожденіе домовъ совершалось довольно быстро. Исключеніе было только въ Окуловѣ на второй день праздника, гдѣ въ этотъ день были именины управляющаго имѣніемъ, и онъ ожидалъ къ себѣ причтъ, и приготавлиалъ для него обѣдъ. Избы у многихъ прихожанъ были курныя, и потому въ утреннее время приходилось посѣщать хаты, наполненные дымомъ. Въ приходахъ, смежныхъ съ Васильевскимъ погостомъ, за славленіе въ Рождество платили хлѣбомъ, давали большую или меньшую мѣру ржи. Въ Васильевскомъ погостѣ собиранія хлѣба не было, и за молебное пѣніе прихожане, какъ и на Пасху, платили деньгами, по мѣрѣ усердія каждаго. („Рук. для сельск. паст.,“ № 17-18).

Изъ воспоминаній профес. В. Пѣвницкаго.

Въ № 19-мъ „Руководства для сельскихъ пастырей“ профес. В. Θ. Пѣвницкимъ помѣщены воспоминанія, касающіяся его пребыванія въ Муромскомъ духовномъ училищѣ, куда В. Θ. опредѣленъ былъ въ 1841 году. Приводимъ ихъ въ извлеченіяхъ.

„Прибывъ въ Муромъ, отецъ прежде всего повелъ меня къ смотрителю училища, игумену Муромскаго Благовѣщенскаго монастыря Варлааму. Это былъ сановитый и добродушный старецъ, скоро по вступленіи моемъ въ училище переведенный въ Юрьевскій монастырь, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Я ждалъ, что онъ подвергнетъ меня экзамену. Но онъ не задавалъ мнѣ никакого вопроса, и безъ экзамена принялъ меня во второй классъ, довѣряя свидѣтельству моего отца о моей подготовленности для второго класса, можетъ быть, потому еще, что мой старшій братъ, поступившій въ училище раньше меня, оказался отличнымъ ученикомъ, и въ спискахъ ученическихъ занималъ первое мѣсто. Отъ смотрителя пошли мы къ учителю второго класса соборному евященнику Василю Степановичу Харизоменову. И здѣсь тоже мнѣ не произведено было никакого испытанія.

Училище помѣщалось въ деревянномъ одноэтажномъ зданіи, стоявшемъ на одной изъ глухихъ улицъ города Муромъ. Это зданіе долгое время, и

послѣ окончанія мною курса, находилось въ прежнемъ видѣ, кажется, мало ремонтируемое. Когда я, уже будучи профессоромъ академіи, пріѣзжалъ въ Муромъ, зданіе духовнаго Муромскаго училища имѣло такой же видъ, какъ и во время моего обученія въ немъ. Только въ позднѣйшія десятилѣтія прошлаго вѣка, оно было сломано, и на мѣстѣ его воздвигнутъ каменный корпусъ, въ которомъ устроена и церковь. Въ старомъ деревянномъ училищномъ зданіи было четыре большихъ комнаты: въ одной помѣщалось высшее отдѣленіе, въ двухъ—первое и второе низшее отдѣленіе, или два третьихъ класса, а въ четвертой второй классъ. По старому уставу духовныя училища раздѣлялись на уѣздныя училища и на приходскія. Высшее и низшее отдѣленіе,—четвертый и третій классъ,—составляли уѣздное училище, а первый и второй входили въ составъ приходскаго училища. Но помѣщаясь въ одномъ зданіи и состоя подъ начальствомъ одного смотрителя, они мало въ существѣ отличались одно отъ другого.

Рядомъ съ главнымъ училищнымъ зданіемъ стоялъ небольшой флигель, отдѣленный отъ него воротами. Въ этомъ флигелѣ помѣщался первый классъ, и была одна квартира для служащихъ въ училищѣ, и при ней комната для сторожа или служителя. Въ этой квартирѣ, въ бытность мою въ Муромскомъ училищѣ, первоначально жилъ учитель Иванъ Гавриловичъ Бѣляевъ, исполнявшій должность помощника инспектора, окончившій курсъ въ Петербургской академіи, переведенный изъ Мурома преподавателемъ въ Владимірскую семинарію, и долгое время бывшій здѣсь экономомъ, послѣ Гавріилъ Васильевичъ Ястребовъ, а когда смотрителемъ училища назначенъ былъ свѣтскій кандидатъ Сергѣй Андреевичъ Красовскій, эта квартира предназначена была ему.

Комнаты въ зимнее время плохо отоплялись, и ученики сидѣли въ классахъ въ теплой одеждѣ, какою у большинства были овчинныя тулупы, покрытые нанкою.

Уроки были двухчасовые, утромъ отъ 8 часовъ до 12, и послѣобѣденные отъ двухъ часовъ до четырехъ. Каждый день было три урока, и только въ субботу не было послѣобѣденныхъ уроковъ, а во второмъ классѣ въ субботу былъ только одинъ урокъ. Послѣобѣденные часы назначались для чистописанія и нотнаго пѣнія, а въ третьемъ и четвертомъ классѣ еще для письменныхъ переводовъ съ латинскаго и греческаго языка на русскій, и обратно съ русскаго на латинскій или греческій....

Порядокъ классныхъ занятій былъ такой. Послѣ молитвы наставникъ садился за столъ и просматривалъ списки, въ которыхъ аудиторамъ отмѣчено было, какъ кто знаетъ урокъ. Первое вниманіе его обращалось на тѣхъ, противъ фамиліи которыхъ стояло *erravit* или *nescit*. Ихъ спрашивали первѣе всего, и старались довести ихъ до того, чтобы они усвоили содержаніе урока. Не знающихъ урока и невнимательныхъ отсылали на колѣни. Розгою за незнаніе урока не наказывали, развѣ кто обнаруживалъ упорную лѣность и рѣшительно не хотѣлъ учиться. Но спрашиваніемъ однихъ не твердо или плохо знающихъ свои уроки дѣло не ограничивалось. И знающіе или показанные знающими свои уроки, по выбору наставника

были вызываемы къ отвѣту, при этомъ случалось обнаруживать фальшивую отмѣтку аудитора.

Кромѣ выслушиванія уроковъ, классныя занятія состояли въ грамматическихъ, а въ третьемъ и четвертомъ классѣ, или низшемъ и высшемъ отдѣленіи, въ переводахъ съ латинскаго и греческаго языка и обратно. Для переводовъ учебною книгою служила христоматія, изданная комиссіею духовныхъ училищъ въ низшемъ отдѣленіи, а въ высшемъ отдѣленіи по-латыни переводили Корнелія Непота, и въ добавокъ къ нему нѣкоторые отдѣлы изъ исторіи Саллюстія объ Югуртинской войнѣ. Но такъ какъ книгъ Саллюстія не было у учениковъ, то они должны были съ единственнаго экземпляра, даннаго учителемъ, списывать латинскій текстъ въ свои тетради. Для этого, въ послѣобѣденные часы, до прихода учителя, цензоръ садился среди класса и диктовалъ изо всей силы своего голоса латинскій текстъ Саллюстія, и его товарищи, съ его голоса, записывали то, что предполагалось переводить въ ближайшіе дни. Когда предполагалась эта диктовка текста Саллюстія, учитель нарочито опаздывалъ приходомъ въ классъ. По греческому языку переводили въ высшемъ отдѣленіи Новый завѣтъ.

Послѣобѣденные часы во второмъ классѣ назначались, попеременно, для чистописанія и нотнаго пѣнія по обиходу. А въ третьемъ и четвертомъ классѣ для письменныхъ переводовъ съ латинскаго и греческаго языка, и наоборотъ съ русскаго на латинскій или греческій. Перваго рода переводы назывались оккупации (*occupationes*), и второго версіи (*versiones*). По понедѣльникамъ и средамъ въ послѣобѣденные часы ученики писали переводы съ русскаго на латинскій языкъ, или съ латинскаго на русскій (последнее было рѣдко), а по вторникамъ и четвергамъ переводы писались съ русскаго языка на греческій или обратно. Въ пятницу въ томъ и другомъ классѣ было нотное пѣніе; а въ субботу послѣобѣденныхъ занятій не было.

Письменные упражненія въ переводахъ съ русскаго на латинскій и греческій языкъ и обратно имѣли главное рѣшающее значеніе, при оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ. Чьи упражненія были лучше и исправнѣе, тѣ занимали высшее мѣсто въ спискахъ. Были допускаемы при этомъ и состязанія. Считающій себя лучше своего товарища, стоящаго въ спискахъ выше, могъ заявлять, что онъ оспариваетъ мѣсто такого-то N. Въ этомъ случаѣ онъ писалъ на полѣ своей тетрадки, противъ текста оккупации: *certo de loco cum NN*, и если его задача оказывалась лучше N, то онъ садился на его мѣсто; а если состязаніе было для него неудачно, то дѣло оканчивалось его публичнымъ конфузомъ или посрамленіемъ предъ всѣмъ классомъ. Но я не помню, чтобы за это смѣльчака, ищущаго высшаго мѣста, подвергали наказанію. Состязанія эти, впрочемъ, допускались не каждый разъ, когда писались задачи, а въ рѣдкіе извѣстные дни, когда наставникъ самъ вызывалъ желающихъ спорить съ товарищами о мѣстахъ.

Кромѣ переводовъ классическихъ, которыми занимали учениковъ въ классахъ, ученики, хотя необязательно, приглашались заниматься переводами дома,—переводить (какъ говорили въ училищѣ) „отъ себя“ такія статьи, какія въ классѣ при учителѣ не переводились. Усердные изъ учениковъ

„отъ себя“ переводили очень много, гораздо больше, чѣмъ сколько проходили въ классѣ, напримѣръ, прочитывали всего Корнелія Непота. Объ этихъ переводахъ отъ себя при обыкновенныхъ классическихъ занятіяхъ не спрашивали. Но на экзаменѣ, послѣ перевода извѣстнаго отдѣла, переведеннаго въ классѣ, спрашивали ученика: что ты переводилъ отъ себя? И спрошенный, по приглашенію экзаменующаго, долженъ былъ показать, какъ, хорошо ли онъ переводилъ отъ себя. Въ этомъ случаѣ, при исправности перевода, усердіе ученика, много успѣвшаго перевести отъ себя, вмѣнялось ему въ особенную заслугу, и отмѣчалось высшею похвалою.

Въ видахъ усовершенствованія въ знаніи латинскаго языка, учениковъ четвертаго класса заставляли говорить между собою по-латыни. Не легко это было, и латынь въ устахъ учениковъ была неважная. Но нужно было подчиняться распоряженію начальства. Чтобы вынудить у учениковъ это подчиненіе тяжелому распоряженію, введенъ былъ калькулюсъ (calculus). Калькулюсъ былъ длинный, узкій, свернутый въ трубку листъ бумаги. Онъ былъ угрозою для тѣхъ, кто осмѣливался въ присутствіи товарищей въ классѣ говорить по-русски. Калькулюсъ давался въ руки тому, кто сказалъ русское слово вмѣсто латинскаго, и его имя записывалось въ калькулюсъ. Этотъ держалъ у себя калькулюсъ секретно отъ товарищей, и долженъ былъ стараться передать его другому, отъ котораго услышалъ русскую рѣчь вмѣсто латинской, и имя этого другого записывалось въ калькулюсъ. Неизвѣстно было товарищамъ, въ чьихъ рукахъ былъ калькулюсъ, и потому нужно было быть осторожнымъ, не позволять себѣ безопасно русской рѣчи, чтобы не попасть въ калькулюсъ. Ведутъ между собою бесѣду по русски товарищи, подкрадется къ нимъ ученикъ, у котораго скрывается калькулюсъ, и вдругъ скажетъ: „Et tibi calculus“. Волею или неволею долженъ взять въ свои руки калькулюсъ ученикъ, нарушившій распоряженіе начальства объ употребленіи въ разговорѣ латинскаго языка вмѣсто русскаго, и потомъ стараться поскорѣе сбить его съ своихъ рукъ. У кого долго оставался калькулюсъ, въ особенности у кого ночевалъ онъ, тѣ могли опасаться суроваго замѣчанія учителя, а пожалуй и наказанія. Училищное начальство выражало желаніе, чтобы и дома, на квартирахъ, ученики высшаго отдѣленія вели между собою бесѣды по-латыни. Но это желаніе не исполнялось: калькулюса на квартирахъ не было, а безъ него не было принудительной силы къ веденію разговора на мертвомъ чужомъ языкѣ, которымъ при томъ ученики еще не успѣли овладѣть какъ слѣдуетъ. Если въ классѣ они употребляли его по принужденію, то это была латынь ломаная, часто курьезная, слыша которую, съ неудовольствіемъ поморщился бы хорошій знатокъ латинскаго языка. Но наши учителя твердили намъ: говорите хоть плохо, да по-латыни.

Въ училищѣ латинскій и греческій языки были главными предметами: ими болѣе всего занимались, и для нихъ назначалось болѣе всего учебныхъ часовъ. И нужно замѣтить, что въ знаніи ихъ, въ особенности латинскаго языка, которому отдавали преимущество предъ греческимъ, многіе ученики достигали значительныхъ успѣховъ,—могли безъ затрудненія переводить въ открытой книгѣ какія угодно мѣста. Достигнутое въ училищѣ знаніе латин-

скаго и греческаго языка оставалось прибрѣтеннымъ капиталомъ на все послѣдующее время. Въ семинаріяхъ не увеличивался этотъ капиталъ, а оставался въ прежней силѣ, вынесенной изъ училища. Да въ семинаріяхъ и мало занимались этими языками, имѣя въ виду занятія другого рода, и полагаясь на то, что въ училищахъ дано ученикамъ достаточное знаніе тѣхъ предметовъ, которые въ нихъ считались главными.

Кромѣ латинскаго и греческаго языка, изучалась русская грамматика, по руководству Греча. На преподаваніе отечественнаго языка мало обращали вниманія, не изучали и не читали никакихъ образцовъ, и отъ сухой грамматики Греча ничего не оставалось въ головѣ. Нѣкоторое значеніе могли имѣть грамматическіе разборы предложеній, что дѣлалось во второмъ классѣ, а затѣмъ въ дальнѣйшихъ классахъ русская грамматика совершенно заслонялась грамматиками латинскаго и греческаго языка. Въ третьемъ классѣ изучалась грамматика церковно-славянскаго языка. Изученіе ея было чисто формальное: изучали славянскія склоненія и спряженія, а не прибрѣтали къ чтенію славянскаго текста. Славянская грамматика была придаткомъ къ русской грамматикѣ, и ей мало времени посвящали въ классѣ. Преподавалась ариметика по руководству Куминскаго. При преподаваніи этого предмета имѣли практическое значеніе и способствовали развитію учениковъ ариметическія задачи, которыя давали для рѣшенія не только въ классѣ, но и на домъ. Заставляли даже, и во второмъ классѣ, самихъ учениковъ выдумывать какую-либо задачу и рѣшать ее, и это рѣшеніе выдуманной ученикомъ задачи нужно было записывать въ особой тетради, которую смотрѣлъ хотя не каждый разъ, и не у всѣхъ учениковъ учитель. Образчикомъ этихъ задачъ можетъ быть извѣстная, вѣроятно, во многихъ училищахъ задача о стаѣ гусей...

Изучали мы еще Катихизисъ, по руководству Филарета (въ третьемъ классѣ), а въ четвертомъ краткую священную исторію и географію, по руководству Арсеньева. Катихизисъ и исторію учили буквально, и хорошіе ученики бойко отвѣчали по этимъ предметамъ не только предъ учителемъ, но и на экзаменахъ. Катихизисъ, въ изложеніи Филарета, являлся труднымъ для многихъ учениковъ, и они зубрили текстъ его, иногда не понимая его хорошенько. А изъясненій къ этому тексту учителя почти никогда не давали. Священную исторію можно было бы рассказывать своими словами; но и здѣсь преобладала зубристика. Къ краткой священной исторіи учитель дѣлалъ нѣкоторыя добавленія изъ Библейской исторіи Филарета, напимѣръ изъ періода Судей о Девворѣ, Іефеѣ и Гедeonѣ. Но эти добавленія не передавалъ устно учитель, а диктовалъ по книгѣ всему классу, и ученики должны были записывать диктуемое, а потомъ выучивать это наизусть. Учитель никогда не дѣлалъ обращенія къ ученикамъ, чтобы они по Библии прочитывали повѣствованія о тѣхъ лицахъ и событіяхъ, о которыхъ кратко говорится въ учебникѣ. Да если бы и было такое обращеніе, трудно, даже почти не возможно было бы выполнить его, потому что у учениковъ не было подъ руками Библии, и не легко было бы найти, если бы кто изъ нихъ и захотѣлъ по этому священному первоисточнику прочитать сказаніе о библейскихъ лицахъ и событіяхъ.

Географія изучалась слабо. Географическая карта была одна на весь классъ; а въ классѣ было болѣе шестидесяти учениковъ. Усердные ученики находили возможность пользоваться картою; а менѣе усердные не обращались и не считали нужнымъ обращаться къ картѣ, и потому, когда учитель вызывалъ такихъ учениковъ къ картѣ и спрашивалъ ихъ, гдѣ такія или иныя моря или рѣки, какія границы такого или иного государства, они не въ состояніи были правильно отвѣчать на эти вопросы“.

Воспоминанія профес. В. Пѣвницкаго.

Свои воспоминанія объ учебныхъ занятіяхъ въ училищѣ профес. В. Пѣвницкій заканчиваетъ подробнымъ описаніемъ экзаменовъ того времени. О производствѣ этихъ экзаменовъ въ № 20 „Руководства для сельскихъ пастырей“ онъ пишетъ:

„Три раза въ году производились экзамены,—предъ Рождествомъ, предъ Пасхой и предъ вакаціей, которая начиналась 15 іюля и продолжалась до 1 сентября.

Экзамены были письменные и устные. Письменные предваряли устные испытанія. На нихъ заставляли учениковъ писать латинскія и греческія задачи,—диктовали извѣстный небольшой отдѣлъ русскаго текста, и ученики должны были перелагать этотъ текстъ на латинскій и греческій языкъ. Бывали обратные переводы; продиктованный латинскій или греческій текстъ заставляли переводить на русскій языкъ. При писаніи этихъ задачъ разрѣшалось пользоваться лексиконами. Могъ ученикъ спрашивать и учителя, если попадалось ему въ текстѣ незнакомое слово, и учитель подсказывалъ ему, какое слово должно быть употреблено имъ при переводѣ. Главное требованіе отъ письменныхъ задачъ состояло въ томъ, чтобы ученики грамматически правильно построили латинскую или греческую рѣчь. Въ большой недостатокъ не вмѣнялось имъ, если у того или другого изъ нихъ обнаруживалось недостаточное знаніе лексическаго состава языка. У большинства учениковъ эти письменныя задачи выходили очень исправными и удовлетворительными. Но не обходилось безъ курьезовъ, которые смѣшили не только учителей, но и учениковъ. Такой курьезъ до сихъ поръ помнится мнѣ, когда мой товарищъ, ученикъ третьяго класса, слѣдующимъ образомъ перевелъ латинскую фразу: *Quis detexit Americam? Columbus.* Кто отыскаетъ Америку? Голубь“. Онъ не зналъ, что такое Америка, а въ лексиконѣ онъ нашелъ, что *columbus* значить голубь.

Устные экзамены производились довольно быстро, и на нихъ не назначалось много дней, хотя учениковъ спрашивали всѣхъ, и по всѣмъ предметамъ. Экзамены вели совмѣстно нѣсколько учителей; въ одно и то же время одинъ учитель экзаменовалъ учениковъ по латинскому языку, другой по греческому, третій по катихизису, четвертый, положимъ, по нотному пѣнію, и ученикъ, проэкзаменовавшись у одного учителя, шелъ къ другому, отъ другого къ третьему и т. д. При такомъ порядкѣ экзаменовъ значительно ускорялось ихъ производство; часто въ одинъ день успѣвали переспросить весь классъ. Бальной системы не было, при отмѣткахъ успѣховъ учениковъ или достоинства ихъ отвѣтовъ, а писали словами: превосходно, отлично хорошо, весьма и очень хорошо, похвально, хорошо, довольно хорошо, не худо, худо...

Кромѣ частныхъ экзаменовъ были въ училищѣ экзамены публичные. Они производились въ концѣ каждаго учебнаго года, большею частію наканунѣ роспуска учениковъ предъ вакаціей. Они служили не для испытанія учениковъ, а для показанія предъ публикою ихъ успѣховъ. Для этого нѣсколькимъ лучшимъ ученикамъ назначались извѣстные отдѣлы изъ науки, которые они должны были вытвердить, и спрашивали ихъ только по этимъ указаннымъ имъ отдѣламъ. Но при переводахъ съ латинскаго или греческаго языка председательствующій на экзаменѣ могъ заставлять ученика переводить не то, что ему назначено, а то, что онъ укажетъ ему въ открытой книгѣ. Это не ставило въ затрудненіе учениковъ, такъ какъ для

публичнаго экзамена назначались лучшіе ученики, на которыхъ учитель могъ положиться.

Публичные экзамены обставлялись очень торжественно. Очищалась самая большая комната въ домѣ училища (четвертый классъ); изъ нея выносились столы и скамьи, на которыхъ сидѣли ученики во время классныхъ занятій (партъ, нынѣ употребляемыхъ въ школахъ, тогда не было въ училищѣ). Посрединѣ комнаты ставился небольшой столикъ, покрытый сукномъ. По обѣимъ сторонамъ отъ этого столика разставлялись кресла и стулья. Приглашались на экзаменъ почетные представители города изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, и они садились на приготовленныхъ для нихъ креслахъ и стульяхъ. Ученики стояли за этими креслами и стульями. Изъ нихъ обязательно должны были присутствовать на экзаменѣ только тѣ, которые, по напередъ объявленному имъ назначенію, должны были отвѣчать приготовленный ими урокъ, и еще тѣ, которымъ предназначалась награда. Въ одномъ углу комнаты помѣщался ученическій хоръ, усиленный голосистыми діаконами, при участіи которыхъ хоръ изъ учениковъ пѣлъ въ церквахъ. Этотъ хоръ въ антрактахъ исполнялъ концерты и пѣлъ патріотическія пѣсни. Послѣ молитвы экзаменъ открывался привѣтственною рѣчью, составлявшеюся зрителемъ или однимъ изъ учителей, произносимою ученикомъ. Главный предметъ, которымъ старались заинтересовать публику на экзаменахъ, и доставить ей удовольствіе, составляли не отвѣты учениковъ, а разныя интермедіи, которыми прерывались испытанія по той или другой наукѣ. Эти интермедіи наполнялись не одними концертами и кантами, но занимательными стихотворными произведеніями. Такъ на экзаменѣ въ 1844 году предложенъ былъ публикѣ написанный стихами разговоръ и еще стихотвореніе, озаглавленное „Эхо“. То и другое произведеніе составлено было, говорили, сыномъ учителя Спекторскаго, окончившимъ курсъ семинаріи. Разговоръ вели между собою четыре ученика,—вѣтрый, прилежный, способный и рѣзвый. Предложено было выучить этотъ разговоръ четверемъ лучшимъ ученикамъ четвертаго класса, и для веденія его предъ публикою на экзаменѣ они вышли на средину класса, и попарно стали другъ противъ друга. Разговоръ началъ вѣтрый такими словами:

„Вотъ, братцы, и каникулы настали,
Не станутъ сердце грызть у насъ печали,
Ни разъ не загляну я въ классъ.
Пойду, куда хочу, черчу,
Шагомъ или птичкой полечу
То за рѣку, то въ лѣсъ,
Тамъ есть хоть земляника.

Потомъ ведетъ рѣчь прилежный.

Да, вамъ хорошо, вы съ головами.
Мое такъ горе прямо со слезами
Иномѣстъ повторишь на силу въ часъ

Листа четыре.

И то забудешь черезъ день.

Нѣтъ вовсе памяти.

Бѣда, ей Богу!...

Для произнесенія „Эха“ избраны были два возрастные ученика, обладавшіе порядочнымъ басомъ. Одинъ выходилъ предъ публику и становился на томъ мѣстѣ, на которомъ становились ученики, вызываемые для отвѣтовъ, а другой былъ спрятанъ за печкою, такъ что его не видала публика. Первый громогласно начиналъ рѣчь такъ:

Сердечно признаюсь, учиться не хочу.

Эхо или скрытый за печкою отвѣчаетъ:

Чу!

Ба! Чей тамъ слышно гласъ?

Скажи пожалуста безъ смѣха.

Эха!

Нелегкое тебя сюда знать занесло.

О! О! и т. д.

Все это сохранилось у меня въ памяти съ давнихъ лѣтъ.

Послѣ окончанія испытаній раздавались награды ученикамъ, отличавшимся своими успѣхами. Казенныя награды отъ училища вездѣ были однѣ и тѣ же: это были книги, которыми награждались четыре или пять учениковъ изъ каждаго класса за успѣхи и благонравіе. Но кромѣ казенныхъ наградъ отъ училища выдавались иногда особенныя награды отъ частныхъ лицъ изъ публики. Такъ въ 1844 году муромскій городничій Пашенко привезъ въ училище на публичный экзаменъ около дюжины коробокъ конфетъ; послѣ раздачи наградъ отъ училища онъ раздавалъ эти конфеты ученикамъ, которые ему понравились, или которыхъ указывало ему училищное начальство.

Заканчивались экзамены рѣчью, въ которой или благодарили публику за посѣщеніе, или высказывалось, какое впечатлѣніе могли произвести на посѣтителей экзамены. Такъ въ рѣчи, мною произнесенной по окончаніи экзамена въ 1846 году, сочиненной смотрителемъ училища Красовскимъ, было такое обращеніе къ публикѣ: „Достопочтеннѣйшіе посѣтители! Желаніе, привлекшее васъ недавно въ насажденный вертоградъ нашъ, можетъ быть, не получило совершеннаго удовлетворенія. Можетъ быть, плоды съ этихъ молодыхъ розъ показались вамъ такими, что только въ будущемъ можно надѣяться на благое употребленіе ихъ. Но, достопочтеннѣйшіе посѣтители, эта самая надежда служить для насъ не малою наградою...“.

Воспоминанія профессора В. Пѣвницкаго.

Объ училищномъ персоналѣ во время своего обученія въ Муромскомъ училищѣ профес. В. Пѣвницкій пишетъ слѣдующее:

„Пять лѣтъ я учился въ Муромскомъ училищѣ, и въ эти пять лѣтъ перемѣнилось три смотрителя. Первымъ смотрителемъ, въ годъ моего поступленія въ училище, былъ игуменъ Муромскаго Благовѣщенскаго монастыря Варлаамъ, поступившій въ монашество изъ вдовыхъ священниковъ (священникомъ онъ былъ въ селѣ Домнинѣ, Меленковскаго уѣзда). Онъ не былъ преподавателемъ, ѣ въ училище являлся рѣдко, только на экзамены. Я помню только, когда меня отецъ приводилъ къ нему, желая опредѣлить меня во второй классъ училища, къ намъ вышелъ благообразный старикъ, и очень ласково переговорилъ съ моимъ отцомъ, а меня освободилъ отъ всякаго экзамена, сказавъ отцу, что я буду принятъ во второй классъ. Не долго при мнѣ онъ былъ смотрителемъ. Его скоро перевели въ Юрьевскій Архангельскій монастырь, съ производствомъ въ архимандрита....

Варлаама смѣнилъ Нифонтъ (Успенскій) изъ студентовъ семинаріи. До опредѣленія его въ смотрителя и игумена Благовѣщенскаго монастыря онъ былъ учителемъ греческаго языка въ высшемъ отдѣленіи училища, и жилъ въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, какъ простой іеромонахъ, и въ училище, которое было не близко отъ монастыря, ходилъ обыкновенно пѣшкомъ, даже и въ грязную пору. Извозчиковъ тогда не было въ Муромѣ, а монастырскими лошадьми онъ не могъ распорядиться. Когда сдѣлался онъ смотрителемъ, онъ оставилъ учительскую должность, находя для себя затруднительнымъ совмѣщеніе этой должности съ должностію смотрителя училища и на-

стоятеля монастыря. Онъ былъ кривой и не такой благообразный, какъ его предшественникъ Варлаамъ, но какъ смотритель, онъ былъ гораздо дѣятельнѣе его. Онъ часто являлся и слѣдилъ за ходомъ училищной жизни. Отъ этого учителя внимательнѣе относились къ своимъ обязанностямъ. Онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы классные цензора изъ учениковъ записывали въ журналъ, когда учитель приходилъ въ классъ и уходилъ изъ класса. Цензора стѣснялись исполненіемъ этого распоряженія, боясь навлечь на себя непріятности, въ случаѣ записи несвоевременнаго прихода въ классъ учителя, и запись о времени прибытія въ классъ наставника и выходѣ изъ класса обратилась въ простую формальность. Но все-таки она не оставалась безъ всякаго значенія: зная о ней, учителя опасались быть не аккуратными въ исполненіи своихъ классныхъ обязанностей. Смотритель Нифонтъ зналъ всѣхъ учениковъ, которыхъ было до четырехъ сотъ и внимательно слѣдилъ за ихъ успѣхами и поведеніемъ. Онъ даже носѣщалъ иногда квартиры учениковъ, чтобы посмотреть, какъ они живутъ, и удобна ли ихъ квартира, чего не дѣлали другіе смотрители, предоставляя это инспектору. Сложивъ съ себя должность учителя, но опредѣленія его смотрителемъ училища, онъ не оставлялъ совершенно учительскихъ занятій, и частнымъ образомъ приглашалъ къ себѣ иногда учениковъ, по чему-либо обратившихъ на себя его вниманіе, чтобы помогать имъ въ приготовленіи ими уроковъ. Такъ я съ нѣсколькими товарищами для этой цѣли приглашаемъ былъ къ нему въ его настоятельскіе покои, и онъ показывалъ намъ по географической картѣ расположеніе рѣкъ, озеръ, морей и границъ разныхъ государствъ, и послѣ такихъ учительскихъ указаній онъ еще предлагалъ намъ чай.

Недолго, немного болѣе двухъ лѣтъ, смотрительствовавъ въ Муромскомъ училищѣ игуменъ Нифонтъ. Онъ переведенъ былъ изъ Мурома въ Переславль-Залѣсскій, съ назначеніемъ смотрителемъ тамошняго духовнаго училища и настоятелемъ Переславскаго Никитскаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Живя въ Переславлѣ, архимандритъ Нифонтъ имѣлъ сношеніе и знакомство съ профессорами Московской духовной академіи (Переславль-Залѣсскій отстоитъ отъ Сергіева Посада въ шестидесяти верстахъ), и нѣкоторые изъ монашествующихъ, служившихъ въ академіи, пріѣзжали къ нему и гостили у него въ вакаціальное время, и онъ съ любовью принималъ ихъ и радъ былъ ихъ посѣщенію. Такъ въ его монастырѣ пожелалъ имѣть пріютъ извѣстный архимандритъ Ѳеодоръ (Бухаревъ), когда по обстоятельствамъ долженъ былъ оставить духовно-учебную службу. Нифонтъ относился къ нему съ полнымъ уваженіемъ, не смотря на то, что Ѳеодоръ былъ въ то время человѣкомъ опальнымъ, и ухаживалъ за нимъ, какъ за близкимъ родственникомъ, стараясь всячески облегчить его тяжелое положеніе. Живя въ Никитскомъ монастырѣ, подъ начальствомъ настоятеля, ни въ чемъ его не стѣснявшего, онъ свелъ знакомство съ дочерью Переславскаго уѣзднаго предводителя дворянства, на которой потомъ, снявши санъ, и женился. И когда послѣ того многіе измѣнили свое отношеніе къ Бухареву, добровольно снявшему санъ, Нифонтъ остался къ нему съ тѣмъ же расположеніемъ и уваженіемъ, какое питалъ прежде.

Я три раза видѣлъ Нифонта, состоя на службѣ въ Кіевской академіи, когда приѣзжалъ въ вакаціальное время на родину, два раза въ Переславль, и одинъ разъ въ Муромѣ въ 1877 году, гдѣ въ то время онъ былъ настоятелемъ Муромскаго Спасскаго монастыря. Каждый разъ онъ принималъ своего бывшего ученика съ распростертыми объятіями и видимо старался сдѣлать какъ можно болѣе пріятнымъ мое пребываніе въ гостяхъ у него, о чемъ и до сихъ поръ съ благодарностію воспоминаю, чтя въ немъ своего бывшего наставника.

Третьимъ смотрителемъ былъ Сергѣй Андреевичъ Красовскій, кандидатъ Московской академіи, назначенный смотрителемъ скоро по окончаніи курса въ академіи. Молодой, небольшого роста, выглядывавшій почти юношею, онъ въ первый разъ явился въ классъ къ ученикамъ высшаго отдѣленія, въ сопровожденіи инспектора и учителей, которые почти всѣ были люди пожилые и носили санъ священника, и намъ, мальчикамъ, бросилось въ глаза не обычное для насъ явленіе, какъ это во главѣ сановитыхъ и пожилыхъ людей становится чуть не мальчикъ, и они всѣ должны чтить въ немъ своего начальника. Не дошедши до середины класса, и оставивши учителей позади себя, чуть не у двери, онъ обратился къ намъ съ рѣчью, которую замѣтно произносилъ не смѣло. Но мы, ученики, мало что восприняли изъ его рѣчи; она скорѣе имѣла значеніе для учителей, и къ нимъ первѣе всего была направлена. Намъ казалось, что своею рѣчью, очевидно напередъ заготовленною, новый молодой смотритель хотѣлъ зарекомендовать себя предъ учителями.

Предшественники С. А. Красовскаго жили вдали отъ училища, въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, въ которомъ они были настоятелями. А Сергѣй Андреевичъ помѣстился при училищѣ во флигелѣ, въ которомъ, кромѣ его квартиры, отведена была одна комната для перваго класса. Училище чрезъ это было постоянно предъ его глазами. Но намъ ученикамъ мало была замѣтна его дѣятельность; да, кажется, онъ и мало проявлялъ эту дѣятельность, предоставляя училищной машинѣ работать по прежнему заведенному порядку. Въ похвалу ему нужно сказать, что онъ былъ человѣкъ очень добрый и гуманно относился къ ученикамъ. Я не помню, чтобы онъ кого нибудь изъ учениковъ подвергалъ какому-либо наказанію, и розга, какъ орудіе наказанія, была для него ненавистна, и къ ней, въ годъ моего пребыванія въ училищѣ, сколько помнится, онъ никогда не прибѣгалъ.

Одна была у него слабость, которая замѣчается среди насъ и у многихъ умныхъ людей. Онъ не обладалъ добродѣтелію трезвости и любилъ выпивать, чѣмъ ронялъ свое достоинство въ глазахъ учителей. Эта слабость была, повидимому, причиною скорого разстройства его здоровья, и онъ скоро скончался, пробывъ на должности не болѣе четырехъ лѣтъ.

Инспекторомъ во все время моего пребыванія въ Муромскомъ училищѣ безсмѣнно былъ одинъ,—Иванъ Ѳеодотычъ Грандицкій, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ священникомъ Рождественской церкви, стоящей на базарной площади Мурома. Занимая долгое время должность инспектора, онъ былъ учителемъ латинскаго языка въ высшемъ отдѣленіи училища. Величавый и суровый по

виду, онъ былъ грозенъ для учениковъ, въ особенности для учениковъ низшихъ классовъ, гдѣ онъ не давалъ уроковъ. Къ нимъ онъ являлся для расправы съ шалунами, и говорилъ при этомъ сердитымъ тономъ, и если кто въ училищѣ, то это именно онъ угрожалъ ученикамъ розгою, и подвергалъ упорныхъ шалуновъ этому унизительному наказанію. Но я не могу назвать его жестокимъ. Онъ не часто обращался къ этой суровой мѣрѣ вразумленія. Когда ученики низшихъ классовъ, трепетавшіе предъ инспекторомъ, переходили въ высшее отдѣленіе и дѣлались его учениками, смягчалась и уменьшалась ихъ боязнь предъ нимъ. Послѣ нѣсколькихъ первыхъ уроковъ, они уже видѣли въ немъ не грознаго инспектора, а рядового преподавателя, похожаго на другихъ, даже мягкаго и добраго. Дѣло свое учительское онъ велъ хорошо, и по отношенію къ ученикамъ не былъ особенно взыскателенъ. За незнаніе уроковъ онъ никогда не наказывалъ учениковъ розгою; лѣнтыевъ онъ только заставлялъ стоять на колѣняхъ. Еще до времени моего поступленія въ училище, въ немъ утвердился обычай подношенія ему ко дню именинъ небольшого подарка отъ учениковъ, и этотъ обычай отъ одного поколѣнія переходилъ къ другому. Именины Ивана Оедотыча были 15 января, и къ этому дню ученики высшаго отдѣленія дѣлали небольшую складчину, и покупали и подносили имениннику или гуся или большой муромскій калачъ, который замѣнялъ кондиторскій тортъ. Этотъ обычай извѣстенъ былъ не только смотрителю, но и высшему начальству, и ни съ чьей стороны не принималось мѣръ къ уничтоженію этого обычая: смотрѣли на это подношеніе инспектору и учителю, какъ на выраженіе ихъ добрыхъ чувствъ по отношенію къ нему.

Другимъ учителемъ въ высшемъ отдѣленіи училища или въ четвертомъ классѣ былъ Василій Николаевичъ Спекторскій, преподававшій греческій языкъ, священникъ Козмо-даміанской церкви. Онъ первоначально былъ учителемъ въ низшемъ отдѣленіи, гдѣ я учился у него нѣкоторое время; въ четвертый классъ онъ перешелъ или переведенъ, когда Нифонтъ, сдѣлавшись смотрителемъ, оставилъ учительскую должность. Это былъ человѣкъ очень добрый, нетребовательный, снисходительный до слабости. Наказаніямъ почти никогда не подвергалъ учениковъ, даже самыхъ мягкимъ. Ученики злоупотребляли его добротою, и мало заботились объ исправномъ приготовленіи уроковъ по его предмету. Отъ того успѣхи въ знаніи греческаго языка у насъ въ Муромскомъ училищѣ были гораздо слабѣе, чѣмъ успѣхи по латинскому языку. Во время его уроковъ иногда проявлялись непозволительныя шалости, которыя, благодаря снисходительности учителя, безнаказанно сходили съ рукъ смѣльчакамъ. Въ особенности я не могу умолчать объ одной мальчишеской выходкѣ, которую неоднократно позволялъ себѣ нашъ шаловливый товарищъ Свѣтозаровъ. Рядомъ съ четвертымъ классомъ былъ второй классъ, отдѣленный отъ него стѣною. Во второмъ классѣ по субботамъ былъ только одинъ урокъ, и въ десять часовъ утра ученики распускались, и классъ оставался свободнымъ. А въ четвертомъ классѣ уроки продолжались до двѣнадцати часовъ. И вотъ въ эти часы, когда во второмъ классѣ никого не было, забирался туда нашъ шаловливый товарищъ, и когда учитель сира-

шивалъ кого-нибудь или что либо объяснялъ, чрезъ малое отверстіе, продѣланное въ деревянной стѣнѣ, внезапно, для потѣхи цѣлаго класса, раздавались такіе выкрики, какіе бываютъ въ кукольномъ театрѣ, какъ будто въ пустомъ классѣ появился театральнѣй Петрушка; иногда приносилъ съ собою шалунъ особаго рода свистульки, чтобы больше потѣшить своихъ товарищей. Эти выкрики и свистки были довольно часты, и не разъ повторялись въ теченіе одного урочнаго часа. И мы, ученики, каждую субботу такъ и ожидали шаловливой выходки своего товарища, которою онъ думалъ доставить удовольствіе всѣмъ намъ. Пытался было учитель поймать шалуна Петрушку, заходившаго въ пустой классъ; но ни разу не удавалось ему это. Товарищи стукомъ черезъ стѣну давали ему знать, что учитель выходилъ изъ класса, чтобы узнать или поймать его, и тотъ успѣлъ скрываться. А когда учитель возвращался въ классъ, Петрушка опять заявлялъ о своемъ существованіи и пребываніи въ пустомъ классѣ. Такъ и не узналъ учитель, кто этотъ дерзкій забавникъ; не узнали ни смотритель, ни инспекторъ, хотя до нихъ доходили слухи о чьей-то продѣлкѣ во время уроковъ Василя Ивановича. Товарищи не хотѣли выдать его. А Василій Ивановичъ такъ привыкъ къ этой продѣлкѣ, что, повидимому, не особенно сердился, когда въ сосѣднемъ пустомъ классѣ являлся Петрушка, желавшій своими выкриками развеселить своихъ товарищей, можетъ быть скучавшихъ за уроками“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Воспоминанія профессора В. Пѣвницкаго.

(Окончаніе).

„Въ третьемъ классѣ было два параллельныхъ отдѣленія,—первое и второе. Я учился въ первомъ отдѣленіи. Учителями у насъ были по латинскому языку Матвѣй Ивановичъ Шеметовъ, священникъ женскаго Троицкаго монастыря, послѣ моего выбытія изъ училища опредѣленный протоіереемъ Меленковскаго собора, а по греческому языку сначала Василій Николаевичъ Спекторскій, а потомъ Иванъ Гавриловичъ Покровскій, перешедшій скоро

изъ Муромскаго училища въ Переславское, свѣтскій изъ студентовъ семинаріи. Матвѣй Ивановичъ былъ умѣлый преподаватель, дававшій хорошую заправку ученикамъ. Онъ благодушно обращался съ учениками, въ особенности любилъ ласкать тѣхъ, кто у него хорошо учился. Сердитымъ мы его почти никогда не видали. Нерѣдко онъ назначалъ латинскія задачи, съ предложеніемъ желающимъ спорить о мѣстѣ съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ товарищей, что тѣ заявляли на тетради записью: *certo de loco cum NN*. И если соперничество оказывалось удачнымъ, спорившій о мѣстѣ пересаживался на мѣсто nobѣжденнаго товарища.

Иванъ Гавриловичъ Покровскій, на короткое время явившійся въ Муромское духовное училище, представлялъ изъ себя безцвѣтную личность, вялую и апатичную. Онъ не влагалъ души въ свое дѣло, и учительскія обязанности исполнялъ какъ бы не хотя, хотя въ классъ ходилъ исправно. Ни въ какія разглагольствія онъ не пускался въ классѣ. Онъ былъ скупъ на слова, и рѣчь его была всегда медленная; говорилъ онъ тихимъ, ровнымъ голосомъ; держа свой голосъ на одной нотѣ, онъ никогда не возвышалъ его, даже тогда, когда, повидимому, онъ долженъ былъ быть въ возбужденномъ состояніи. Тихимъ, безстрастнымъ голосомъ говорилъ онъ ученику, когда хотѣлъ наказать его: „Поди, лозой тебя!“ такую фразу онъ произносилъ такъ же, какъ другую: „дай мнѣ книгу“ или „покажи мнѣ тетрадь“. Случалось, и не разъ, что ученикъ, заслужившій наказаніе, не захочетъ подчиниться приказу наставника идти подъ розгу или на колѣни, въ выраженіи котораго не видно было и тѣни сильной воли или властнаго тона, и наставникъ не настаивалъ на исполненіи своего приказа. Постоить за партою ученикъ, которому угрожало наказаніе, а потомъ и сидеть, и наставникъ не обратитъ на это вниманія и какъ будто забудетъ о томъ, что онъ хотѣлъ наказать того или другого ученика. Авторитетъ наставника, который дѣлалъ распоряженія и отдавалъ приказанія и потомъ не настаивалъ на ихъ исполненіи, не могъ стоять высоко у учениковъ, и они по его предмету занимались хуже, чѣмъ по предмету его сослуживца Матвѣя Ивановича Шеменова. Латинскій языкъ и здѣсь изучали лучше, чѣмъ греческій.

Во второмъ отдѣленіи третьяго класса учителями были по латинскому языку Гавріилъ Васильевичъ Ястребовъ, а по греческому сначала Иванъ Гавриловичъ Ёфляевъ, кандидатъ С.-Петербургской академіи, скоро переведенный во Владимірскую семинарію преподавателемъ математики, и долгое время бывшій въ ней экономомъ, а послѣ него Иванъ Михайловичъ Тихомировъ, потомъ поступившій въ Московскую академію, принявшій монашество съ именемъ Саввы и скончавшійся въ санѣ архіепископа тверскаго. Я не учился у нихъ, и потому ничего не могу сказать о нихъ, какъ учителей. Скажу только, что когда ученики обоихъ отдѣленій сходились вмѣстѣ, по переводѣ ихъ въ четвертый классъ, ученики перваго отдѣленія оказывались лучше подготовленными, чѣмъ ученики втораго отдѣленія, а въ разрядномъ спискѣ они въ большинствѣ занимали высшія мѣста.

Но личный характеръ ихъ довольно ярко отражается въ моихъ воспоминаніяхъ, и нѣсколько словъ сообщить о нихъ я считаю не излишнимъ.

Гавріиль Васильевичъ Ястребовъ былъ человѣкъ живой, энергическій, даже суетливый, совершенная противоположность Ивану Гавриловичу Покровскому. Любимымъ предметомъ его было нотное пѣніе, и при всякомъ удобномъ случаѣ онъ увлекался имъ. Для нотнаго пѣнія въ третьемъ классѣ назначались послѣобѣденные часы въ пятницу, и тутъ во всю ширь распускалась его любовь къ пѣнію. Увлекаясь самъ, онъ увлекалъ и учениковъ къ громогласному исполненію всѣмъ классомъ разныхъ церковныхъ пѣснопѣній. Двухъ часовъ мало было для него, чтобы распѣть все, что ему хотѣлось, и онъ часто послѣ звонка задерживалъ учениковъ, чтобы они вдоволь напѣлись, къ его удовольствію. Въ послѣпасхальныя недѣли послѣ звонка, онъ пѣлъ съ учениками весь пасхальный канонъ и всѣ пасхальныя пѣснопѣнія, и ученики не тяготились этими задержками ихъ, иногда на цѣлый часъ: пѣніемъ стихиръ разныхъ сверхъ урочнаго времени они доставляли удовольствіе учителю, но вмѣстѣ съ тѣмъ и себѣ. Еще вотъ примѣръ изъ его пристрастія къ пѣнію. Жилъ онъ во флигелѣ при училищѣ, пока не поселился здѣсь смотритель. Когда въ маѣ мѣсяцѣ депутація учениковъ, ходившая къ смотрителю просить рекреаціи, возвращалась съ извѣстіемъ, что рекреація дана, онъ выходилъ къ ученикамъ, и говорилъ имъ: „Ну, теперь пойте мнѣ“. Затѣмъ становился онъ впереди учениковъ, и они, радостные, что дана рекреація, всею массою во все горло пѣли: *Reverendissime domine magister, recreationem humillime rogamus*“. А онъ запѣвалъ и рукою махалъ, какъ регентъ. И это пѣніе, по его заказу, повторялось нѣсколько разъ. Но на этомъ онъ не успокоивался. Когда довольно пропѣли ему, онъ говорилъ: пойте теперь моей женѣ. И ей нѣсколько разъ пѣли: *Reverendissima domina magistra, recreationem humillime rogamus*.

Оставивъ училищную службу, Гавріиль Васильевичъ Ястребовъ поступилъ во священники и былъ настоятелемъ Вознесенской церкви города Мурома. Онъ очень любимъ былъ прихожанами, за его всегда дружелюбное, доброе отношеніе къ нимъ и за его всегдашнюю готовность удовлетворить всѣмъ ихъ законнымъ желаніямъ. Онъ готовъ былъ и покурить и поиграть въ карты, и не отказывалъ себѣ въ этихъ удовольствіяхъ. Но это не мѣшало ему снискать славу пастыря образцоваго и великаго молитвенника. Его пастырскій авторитетъ много поднять былъ добрымъ словомъ о немъ всѣми чтимаго кронштадтскаго пастыря отца Іоанна Сергіева. Являлись къ отцу Іоанну Сергіеву муромскія купчихи, и просили его молитвъ о себѣ. „Зачѣмъ вы ко мнѣ обращаетесь (сказалъ имъ отецъ Іоаннъ Сергіевъ), когда у васъ въ Муромѣ есть свой молитвенникъ отецъ Гавріиль“. Это слово, принесенное изъ Кронштадта въ Муромъ муромскими купчихами, быстро разнеслось по всей окрестности, и на отца Гавріила Ястребова начали смотреть, какъ на незауряднаго пастыря, такого же мощнаго, сильнаго предъ Богомъ, молитвенника, какимъ былъ для всей Россіи отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. И когда скончался отецъ Гавріиль въ концѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, на его погребеніе стеклись толпы народа, привыкшаго видѣть и чтить въ немъ благоговѣйнаго молитвенника предъ Богомъ.

Объ Иванѣ Гавриловичѣ Бѣляевѣ мнѣ придется говорить, когда въ своихъ воспоминаніяхъ я дойду до моего обученія въ семинаріи. Здѣсь скажу только, что И. Г. Бѣляевъ, кандидатъ Академіи, чувствовалъ себя какъ будто не на своемъ мѣстѣ на должности простаго преподавателя въ училищѣ, да еще не въ старшемъ классѣ, и не смотря на то, что женился въ Муромѣ на очень красивой барышнѣ, стремился изъ Мурома на лучшее мѣсто. И это лучшее мѣсто скоро ему было предоставлено: послѣ полугодового пребыванія въ Муромѣ онъ переведенъ былъ во Владимірѣ, и здѣсь долгое время былъ преподавателемъ математики и физики, и вмѣстѣ съ тѣмъ экономомъ семинаріи, и во Владимірѣ скончался. Какъ преподаватель, онъ не выдавался изъ ряда другихъ учителей училища съ семинарскимъ образованіемъ, и не имѣлъ нредъ ними никакихъ преимуществъ, и отношенія его къ своимъ товарищамъ по училищу были вполне дружескія. Его кратковременное пребываніе въ училищѣ осталось совершенно безслѣдно.

Его преемникомъ по должности преподавателя греческаго языка во второмъ низшемъ отдѣленіи былъ Иванъ Михайловичъ Тихомировъ. Въ концѣ 1842 года онъ опредѣленъ былъ учителемъ въ первый классъ Муромскаго училища. Я самъ не учился у него; его учениками въ первомъ классѣ были мой покойный братъ, скончавшійся отъ холеры въ 1848 г., при переходѣ въ семинарію, и мой двоюродный братъ Павелъ Петровичъ Смирновъ, нынѣ протоіерей церкви села Клина Муромскаго уѣзда. Они, равно какъ и другіе ихъ товарищи, вмѣстѣ съ ними учившіеся у Ивана Михайловича Тихомирова, съ любовью относились къ нему, и хвалили его за то, что онъ не строго, гуманно обращался съ ними. Онъ такъ просто, по-отечески, держалъ себя съ ними, что они смѣло обращались къ нему съ разными вопросами, иногда и неумѣстными, и онъ снисходительно давалъ отвѣты на эти вопросы, хотя бы они вовсе не относились къ учебному дѣлу. Для примѣра, къ болѣе наглядному представленію простыхъ, добрыхъ отношеній между учителемъ Тихомировымъ и его учениками, я могу привести слѣдующій вопросъ. Нѣкоторые изъ учениковъ-первоклассниковъ имѣли у себя самодѣльные солнечные часы, и вотъ одинъ изъ владѣльцевъ такихъ часовъ встаетъ и говоритъ: „Иванъ Михайловичъ, у меня на часахъ уже одиннадцать часовъ; отчего звонокъ не бьетъ.“ Иванъ Михайловичъ добродушно принималъ подобныя обращенія, и отвѣчалъ на нихъ мягкою шуткою или ласкою.

Состоя учителемъ, Иванъ Михайловичъ Тихомировъ принялъ санъ священства и опредѣленъ священникомъ Муромскаго собора, женившись на дочери скончавшагося соборнаго священника Царевскаго, оставившаго послѣ себя большое семейство. Но семейная жизнь Ивана Михайловича продолжалась не долго: жена его, черезъ годъ послѣ свадьбы, скончалась. Послѣ ея смерти онъ рѣшилъ поступить въ академію, и готовился къ вступительному экзамену въ академію. Нѣкоторыя тетради, нужныя ему для экзамена, переписывали ученики старшаго класса училища. Въ 1846 году, когда я окончилъ курсъ училища и переходилъ въ семинарію, Иванъ Михайловичъ поѣхалъ въ Московскую академію, и поступилъ въ нее студентомъ принявъ монашество съ именемъ Саввы, и окончилъ курсъ со степенью магистра въ 1850 году. Дальнѣйшая судьба его извѣстна.

Во второмъ классѣ учителемъ былъ соборный священникъ Василій Степановичъ Харизоменовъ. Это былъ мой первый учитель; такъ какъ я, минуя первый классъ, прямо поступилъ во второй классъ училища. Худощавый, сѣдой, съ небольшою бородкою, онъ не имѣлъ внушительнаго вида; но мальчики боялись его. Относился онъ къ ученикамъ сухо, формально, и у меня немного сохранилось воспоминаній о немъ. Въ его педагогической методѣ можно отмѣтить одну добрую черту: онъ много упражнялъ насъ грамматическими и синтаксическими разборами предложеній, на урокахъ по русскому языку, и давалъ высшія мѣста въ списокѣ тѣмъ, кто исправно отвѣчалъ ему на этихъ разборахъ. А по ариметикѣ онъ и въ классѣ давалъ задачи для рѣшенія, и приказывалъ на дому самимъ выдумывать задачи и рѣшать ихъ, и эти самоизмышленныя задачи и рѣшенія показывать ему, если онъ спроситъ ученика, какую задачу онъ рѣшилъ“.

Редакторъ **Н. Малицкій.**

Воспоминанія профессора В. Пѣвницкаго.

Воспоминанія профессора—Владимірца, помѣщенныя въ № № 26—29 „Руководства для сельскихъ пастырей“, посвящены Владимірской семинарской бурсѣ, помѣщавшейся въ 40-хъ годахъ за Лыбедью, гдѣ нынѣ мужское духовное училище. Приводимъ ихъ въ извлеченіяхъ.

„Семинарская бурса во Владимірѣ, пишетъ авторъ, въ мое время находилась не на семинарскомъ дворѣ, а довольно далеко отъ семинаріи, въ другой части города, отдѣленной отъ главной части города мелкою рѣкою Лыбедью, и потому называемой Залыбедскою....

Бурса была открыта за Лыбедью въ 1833 году и просуществовала тамъ до 1858 года. Она помѣщалась въ домѣ, купленномъ у удѣльной конторы ¹⁾, къ которому скоро присоединенъ другой небольшой домъ, купленный у вдовы Соколовой. Главный домъ семинарскаго общежитія имѣлъ видъ хорошаго просторнаго барскаго дома. Когда мы учились и жили въ немъ въ сороковыхъ годахъ, у насъ ходило преданіе, не знаю, на чемъ основанное, будто этотъ домъ принадлежалъ прежде князю Волконскому. Домъ деревянный на каменномъ фундаментѣ, съ мезониномъ: въ немъ въ главномъ этажѣ пять

¹⁾ Исторія Владимірской духовной семинаріи. Н. Малицкаго. Выпускъ второй, стр. 31.

высокихъ большихъ комнатъ, двѣ малыхъ и двѣ переднихъ; а въ мезонинѣ двѣ большія комнаты. Въ первомъ этажѣ помѣщалось пять жилыхъ номеровъ, первый, второй, третій, четвертый и пятый; а въ мезонинѣ два, шестой и седьмой. Въ каждой комнатѣ по расписанію жило по двѣнадцати человѣкъ, а въ первомъ номерѣ, къ которому присоединена была небольшая комната, называвшаяся боковкою, шестнадцать или восемнадцать. Другая небольшая комната, стоящая рядомъ съ переднею, была занята комиссаромъ. Первые три номера расположены были окнами на улицу. Между крайними комнатами, расположенными у боковыхъ стѣнъ, посрединѣ зданія былъ корридоръ, ведущій изъ перваго номера въ четвертый. Въ этомъ корридорѣ была лѣстница въ мезонинъ. Съ правой стороны главнаго зданія (западной) въ небольшомъ разстояніи отъ него стоялъ другой небольшой домъ. Въ немъ былъ одинъ (восьмой) номеръ для бурсаковъ; а другая большая половина служила квартирою эконома и смотрителя бурсы. Чтобы меньше безпокойства причинили эконому живущіе въ сосѣдствѣ черезъ стѣну бурсаки, въ восьмой номеръ выбирали наиболѣе смиренныхъ и тихихъ, или по крайней мѣрѣ считаемыхъ такими. Съ другой стороны (восточной), саженяхъ въ четырехъ отъ крыльца главнаго дома, было деревянное зданіе, въ которомъ была столовая, кухня и номѣщеніе для служителей. Предъ домомъ съ внутренней стороны былъ большой дворъ, лѣтомъ обросшій травой, а зимой покрытый снѣгомъ, а за дворомъ отдѣленный отъ него рѣшетчатымъ заборомъ большой садъ. Этотъ садъ для города составлялъ большую роскошь, а намъ, живущимъ въ казенномъ общежитіи, доставлялъ большое наслажденіе. Пользуясь этимъ садомъ, мы утверждались въ мысли, что домъ, въ которомъ намъ давали казенное помѣщеніе, принадлежалъ прежде какому-нибудь богатому вельможѣ. Въ саду была густая, роскошная растительность, и, видно, онъ распланированъ былъ хорошимъ садовникомъ. Отъ створчатыхъ рѣшетчатыхъ воротъ, ведущихъ въ садъ, шла широкая аллея, обсаженная липами: она вела къ большой крытой бесѣдкѣ, стоящей среди сада. Въ бесѣдкѣ, по всей широтѣ ея, поставлены были лавочки; здѣсь можно было сидѣть и заниматься и во время сильнаго дождя. Параллельно главной аллеѣ простиралась другая меньшая аллея, обсаженная крыжовникомъ и смородиною. Она шла отъ другихъ воротъ, ведущихъ въ садъ отъ флигеля, гдѣ жилъ эконома. Эти мѣста не были запретны для бурсаковъ; но мы сравнительно мало пользовались этою аллеєю, признавалъ ее болѣе принадлежащею эконому и его семейству, хотя никакихъ заявленій касательно этого намъ ни отъ кого не было. Отъ главной аллеи сада въ обѣ стороны простирались хорошо утрамбованныя дорожки, которыя непрерывающеюся линіею шли по всей обширной площади сада. Въ лѣвомъ углу подъ густою листвою полукругомъ стояли скамейки. Скамейки были и въ другихъ мѣстахъ на дорожкахъ сада. Въ правомъ углу сада, простиравшемся клиномъ въ глубь другой усадьбы, густо разрослись вишневые деревья; и здѣсь, въ уединеніи, сидя или лежа на травѣ, многіе учили свои уроки. При густой растительности, здѣсь можно было и спрятаться такъ, что не вдругъ можно найти скрывшагося. Лѣтомъ семинаристы въ саду постоянно вращались; только дождь заставлялъ

ихъ уходить въ комнаты. Бывало, пріѣдетъ въ бурсу ректоръ или инспекторъ. Большою частію въ лѣтнее время они, оставивъ экипажъ, идутъ не въ комнаты, а въ садъ. И бурсаки, разсѣявшіеся по саду, за густою растительностію, не сразу узнаютъ, что пріѣхало начальство, и часто нужно было звонкомъ извѣщать объ этомъ занимавшихся или гулявшихъ въ саду и звать ихъ въ комнаты.

Нужно отдать честь семинарскому начальству, что оно заботилось о поддержаніи сада въ порядкѣ и чистотѣ. Каждый годъ, въ началѣ весны, послѣ таянія снѣга, онъ очищался отъ мусора и сухой листы; убирались засохшія вѣтви; дорожки хорошо утрамбовались и посыпались пескомъ; по мѣстамъ ставились и исправлялись скамейки. На всякаго, кто ни приходилъ въ садъ, онъ производилъ пріятное впечатлѣніе, и случайные посетители бursы, гуляя по саду, говорили намъ: „какая у васъ благодать!“

„Владимірская бурса“, въ которой мнѣ привелось жить, когда-то описана была во Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ ¹⁾, свящ. А. Ключаревымъ, если не ошибаюсь, моимъ пріятелемъ, съ которымъ я велъ нерѣдкую переписку. А. Ключаревъ былъ курсомъ моложе меня, и три года прожилъ со мною въ бурсѣ. Нынѣ онъ состоитъ протоіереемъ въ Павловскихъ Пустошахъ Александровскаго уѣзда. Въ „Исторіи Владимірской духовной семинаріи“ Н. Малицкаго воспроизведены свѣдѣнія или описанія бursы А. Ключарева ²⁾.

Здѣсь зданіе, въ которомъ жили бурсаки, представлено въ очень неприглядномъ видѣ. „Сколоченъ общежитный домъ очень не складно (говорится тамъ). При сильномъ вѣтрѣ онъ трещалъ и качался, а въ зимніе холода вода замерзала въ умывальникахъ... У стѣнъ въ рядъ уставлены были желѣзныя и деревянныя кровати, относительно которыхъ авторъ „Владимірской бursы“ замѣчаетъ: во имя правды не скрою отъ читателя, что эти койки вообще, а въ особенности деревянныя, изобиловали извѣстными наскомыми съ отдающимъ запахомъ; но мы, и съизмала не изнѣженные, не чувствовали большого безпокойства отъ этихъ наскомыхъ. Комнаты, служившія и занятными, и спальными вмѣстѣ, были небольшія, и обитатели ихъ чувствовали себя тѣснорато. Особенно трудно было помѣстить требуемое число кроватей. Для экономіи мѣста ихъ изготовляли, не соображаясь съ ростомъ тѣхъ, кому онѣ предназначались. Владѣльцы кроватей приспособлялись къ этому неудобству, пріучаясь спать, свернувшись клубкомъ“...

Мои воспоминанія не вполне согласуются съ этимъ описаніемъ, и представленіе о зданіи бursы у меня осталось иное, хотя упомянутый авторъ былъ мой современникъ. Домъ, въ которомъ мы жили, былъ хорошій видный барскій домъ, построенный весьма основательно. Въ наше время, правда, онъ нѣсколько пообветшалъ, но отнюдь не трещалъ и не качался во время сильнаго вѣтра, и могъ выдержать, не колеблясь, какой угодно ураганъ. Не помню я, чтобы когда либо замерзала въ немъ вода въ умываль-

¹⁾ Владимірскія Епарх. Вѣдомости, 1890 г., стр. 713—26.

²⁾ Исторія Владимірской духовной семинаріи, Н. Малицкаго. Выпускъ второй, стр. 205—211.

никахъ, и мы, живя въ немъ, нисколько не страдали отъ холода. Я три года жилъ въ первомъ угловомъ номерѣ, сравнительно болѣе холодномъ, чѣмъ другіе внутренніе номера, и никогда въ зимніе вечера мы не чувствовали потребности надѣть что-либо теплое на себя. Домашняя обстановка въ бурсѣ была лучше, чѣмъ въ большинствѣ частныхъ квартиръ, нанимаемыхъ семинаристами. Занятныя комнаты, служившія вмѣстѣ и спальнями, были просторныя, высокія, свѣтлыя. Воздуха и свѣта въ нихъ было довольно. Не было недостатка въ необходимыхъ принадлежностяхъ для домашняго обихода. Въ каждомъ номерѣ былъ одежный шкафъ, былъ комодъ, съ ящиками для каждаго изъ жильцовъ. Посреди комнаты стоялъ длинный столъ для занятій; по обѣимъ сторонамъ поставлены были скамьи, а на двухъ концахъ стола табуреты. Въ комнатахъ жило по 12 человѣкъ, и они свободно размѣщались во время занятій за столомъ этимъ. Только въ первомъ номерѣ жило больше, но этотъ сверхкомплектъ, изъ четырехъ или шести человѣкъ, помѣщался въ особой небольшой комнатѣ, примыкавшей къ первому номеру и называвшейся боковкою; въ этой боковкѣ они и занимались, и спали, и въ боковкѣ былъ особый небольшой столъ, особый гардеробный шкафъ и комодъ. По стѣнамъ комнатъ разставлены были кровати, въ первомъ номерѣ желѣзныя, а въ другихъ деревянныя. Желѣзныя кровати были очень длинныя, а деревянныя покороче, но все-таки и онѣ были достаточной длины, и А. Ключаревъ напрасно представляетъ ихъ такъ короткими, что въ нихъ приходилось спать, свернувшись клубкомъ. На кровати былъ приличный, не особенно жесткій, тюфякъ, набитый, кажется, волосомъ, покрытый простынею, двѣ подушки и байковое одѣяло зеленого цвѣта. Убирать кровати должны были сами бурсаки, и онѣ содержались довольно опрятно. Авторъ „Владимірской бursы“, цитруемый авторомъ Исторіи Владимірской духовной семинаріи, говоритъ, что „койки, въ особенности деревянныя, изобиловали извѣстными насѣкомыми съ отдающимъ запахомъ“. Но я не могу этого подтвердить. По крайней мѣрѣ въ первомъ номерѣ, гдѣ были желѣзныя кровати, и гдѣ я жилъ три года, этой нечисти не было. У кого были свои вещи, которыя не могли помѣститься въ ящикахъ номерного шкафа, онѣ или сдавались комиссару, или въ маленькихъ сундучкахъ держались подъ кроватью.

Для освѣщенія комнаты въ вечернее время въ каждый номеръ выдавались сальныя свѣчи. Ихъ выдавали въ такомъ изобиліи, что мы не могли сжигать всего количества ихъ, положеннаго на номеръ, хотя особенной экономіи при этомъ не наблюдали.

Для занятій выдавались бурсакамъ казенныя письменныя принадлежности,—бумага и гусиныя перья каждому отдѣльно въ такомъ количествѣ, что недостатка въ нихъ никогда не ощущалось, а чернила на номеръ. Впрочемъ, то и другое, въ случаѣ недостатка, можно было брать безпрепятственно во всякое время у комиссара. На этотъ предметъ (говорится въ Исторіи Владимірской семинаріи) ¹⁾ отпускалось въ годъ около 150 рублей.

¹⁾ Ист. Вл. семинаріи. Выпускъ второй. стр. 211.

Одежда у бурсаковъ была не показная: въ этомъ отношеніи они уступали квартирнымъ семинаристамъ. Намъ не приучали къ щегольству. Лѣтомъ парадною, а вмѣстѣ и домашнею, одеждою для насъ служилъ сѣрый нанковый сюртукъ, брюки изъ легкаго трико и жилетъ изъ такой же матеріи. Сюртуки шились ниже колѣнъ. Суконной пары мы не знали, хотя насъ манили общаніемъ въ скоромъ времени одѣть насъ въ суконные сюртуки, заявляя намъ, что для этого есть и средства у Правленія семинаріи. Эти средства составились изъ экономическихъ суммъ. Въ прежнее время остаточныя суммы отъ содержанія семинаріи не отсылались въ центральное управленіе, а оставались въ семинаріи, составляя спеціальныя средства, которыми могло пользоваться Правленіе семинаріи по своему усмотрѣнію, для покрытія какихъ либо случайныхъ нуждъ, и вотъ на эти средства намъ хотѣли сшить суконныя пары, какъ заявлялъ мнѣ ректоръ Евимій, когда я являлся къ нему въ качествѣ дежурнаго старшаго. Но я не дождался исполненія этого общанія. Суконные сюртуки и брюки стали шить бурсакамъ, уже послѣ моего выбитія изъ семинаріи въ 1853 году (я выбылъ изъ семинаріи въ 1851 г.), при преемникѣ ректора Евиміи.

Зимнею одеждою служили для насъ овчинныя тулупы, крытые сѣрою нанкою. Одежда не показная, и на первыхъ порахъ по сооруженіи ея, пока не обносятся овчины, отъ нихъ несло сильнымъ запахомъ дубильной кислоты, что давало поводъ квартирнымъ семинаристамъ съ кислыми гримасами относиться къ нашей зимней одеждѣ и посмѣиваться надъ нами. Но при всей своей неказистости, теплые овчинныя тулупы намъ хорошо служили и были, можно сказать, необходимы для насъ. Во Владимірѣ морозы часто бываютъ выше 20°. А изъ бурсы въ семинарію намъ каждый день приходилось ходить два раза, утромъ и послѣ обѣда, и дорога была не близкая. Въ легкой одеждѣ, подбитой, пожалуй, и ватою, это путешествіе было бы не совсѣмъ удобно, и мы были бы болѣе не довольны, если бы вмѣсто тулуповъ насъ одѣвали въ суконныя пальта.

При казенной одеждѣ, очень нещеголеватой, нѣкоторые, въ дополненіе, приобрѣтали свои костюмы болѣе приличные. Бывали у иныхъ суконные сюртуки; иные щеголяли въ цвѣтныхъ, даже въ бѣлыхъ брюкахъ лѣтомъ, что вызывало замѣчаніе смотрителя бурсы. У иныхъ появлялись шинели. Но такихъ щеголей было очень мало.—единицы. Въдѣ въ бурсѣ жила бѣдность, у которой не было лишней копейки на сооруженіе себѣ особаго костюма.

Въ комнатахъ дозволялось сидѣть въ шлафрокахъ, если таковые находились у кого. Бухарскіе халаты попадались у иныхъ бурсаковъ, и въ нихъ въ комнатахъ безвозбранно можно было предстать и предъ начальствомъ.

Обувью бурсаки снабжались въ достаточномъ количествѣ, говорится въ Исторіи Владимірской семинаріи со словъ А. Ключарева. Давали каждому по двѣ пары сапогъ и третьи головки. Всей обуви, намъ даваемой, мы не изнашивали, и иные изъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ изъ этой статьи дѣлали выгодную коммерцію, брали у сапожника вмѣсто пары сапогъ деньгами, иные прямо продавали сапоги, иные вмѣсто сапогъ заказывали себѣ калоши. Калошъ намъ не выдавали: кто хотѣлъ имѣть ихъ, тотъ долженъ

былъ покупать ихъ на свои деньги, или входить въ особый договоръ съ сапожникомъ, котораго Правленіе подрядило снабжать бурсаковъ обувью. Мнѣ сшили хорошія кожаныя калоши, долго мнѣ служившія, въ арестантскихъ ротахъ за полтинникъ. Заказъ сдѣланъ былъ чрезъ брата священника богоугодныхъ заведеній, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ духовникомъ и живущихъ въ арестантскихъ ротахъ.

Бѣлья бурсакамъ не выдавалось. На изготовленіе бѣлья каждому выдавалось деньгами по три рубля серебромъ, и всѣ мы сами по этой статьѣ должны были доставлять себѣ потребное. Отсюда въ бѣльѣ бурсаковъ было большое разнообразіе: каждый дома долженъ былъ запастись бѣльемъ; у иныхъ оно было изъ самотканнаго и пестраго холста, у другихъ рубахи были ситцевыя, а кальсоны коленкоровые. Крахмальныхъ рубашекъ у насъ не было. Если у кого попадались онѣ, то это было исключеніемъ. Зато почти у всѣхъ были въ употребленіи коленкоровыя манишки. Жилеты шились глухіе, закрывающіе всю грудь; это потому, что не предполагалось у воспитанниковъ такого бѣлья, которое можно бы было выставить на показъ. Стирка бѣлья производилась на казенный счетъ: нанималась для этого прачка, во все время моего пребыванія въ бурсѣ неизмѣнно одна и та же. Она очень исправно выполняла свое дѣло, и потому подрядъ за нею оставался нѣсколько лѣтъ. Мы съ нею не имѣли непосредственныхъ сношеній, а сдавали черное бѣлье комиссару, по счету, и отъ него получали привезенное прачкою вымытое бѣлье. Эта часть держалась въ порядкѣ, и воспитанники не могли жаловаться на какія либо опущенія или непорядки въ дѣлѣ стирки бѣлья. Если у кого бѣлье оказывалось не вымытымъ, то потому, что у иныхъ былъ скудный запасъ бѣлья, и они, за неимѣніемъ лишняго бѣлья, не могли такъ часто мѣнять его, чтобы отдавать его въ каждую стирку.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Воспоминанія профессора В. Пѣвницкаго.

(Окончаніе).

Столъ у бурсаковъ былъ простой, однообразный, но сытный. Были въ этомъ отношеніи нѣкоторые дефекты, которые при нынѣшней требовательности воспитанниковъ могли бы вызывать проявленіе неудовольствія. Но во все пребываніе мое въ бурсѣ я не помню ни одного не только шумнаго, но даже глухого протеста противъ стола, по поводу недоброкачества или недостаточности пищи, намъ даваемой.

Вотъ какъ мы продовольствовались. Каждый день у насъ обѣдъ и ужинъ,—обѣдъ въ первомъ часу пополудни, когда мы возвращались съ уроковъ изъ семинаріи, а ужинъ въ восемь часовъ вечера, послѣ домашнихъ занятій въ номерахъ, или лѣтомъ въ саду. Разнообразія въ кушаньяхъ не было. Каждый день щи, съ мясомъ въ скоромные дни, и гречневая каша съ масломъ. Въ постные дни щи бывали съ снятками, или вмѣсто нихъ картофельная похлебка. Въ праздники давалось какое либо дополненіе къ будничному столу, вродѣ окрошки или солонины. Надъ распредѣленіемъ порцій и поливаніемъ каши масломъ наблюдалъ дежурный старшій, и, по преданію, наслѣдовавшему отъ прежнихъ временъ, въ этомъ отношеніи не было равномѣрности. Въ столовой всѣ садились по номерамъ комнатъ, и въ каждомъ номерѣ былъ особый старшій. Одна миска подавалась на четырехъ, и тамъ, гдѣ сидѣлъ номерной старшій, и порціи давались лучше, и каша обильнѣе поливалась масломъ. Рядовые бурсаки безропотно подчинялись этому обычаю, допускавшему такую несправедливость, и не думали протестовать противъ него.

Главный недостатокъ въ нашемъ продовольствіи былъ тотъ, что намъ не давали завтрака. Не давали и булокъ. А о чаѣ мы не могли и помышлять. За то простого хлѣба чернаго можно было получать, сколько угодно, безъ всякихъ ограниченій. Обыкновенно утромъ многіе изъ воспитанниковъ являются въ столовую и требуютъ отъ хлѣбника нужныхъ имъ порцій хлѣба. Хлѣбникъ безъ отговорокъ старается удовлетворить требованія воспитанниковъ, но не вдругъ успѣваетъ сдѣлать это. Его торопятъ нетерпѣливые, а онъ, не прекращая рѣзать хлѣбъ, кричитъ имъ: „Пождите. Васъ сто человѣкъ, а я одинъ“. Эти слова „васъ сто человѣкъ, а я одинъ“ ежедневно слышались отъ него, а мы, идя въ столовую за хлѣбомъ, знали, что услышимъ ихъ отъ него.

Но простымъ хлѣбомъ, вмѣсто завтрака, могли довольствоваться только самые бѣднѣйшіе изъ бурсаковъ, которые ни откуда не могли получать себѣ никакого вспомошествованія. А такіе бывали. Но у большинства были, хоть маленькія, средства, получаемыя отъ родныхъ, и на эти вспомошествованія отъ родныхъ они, по мѣрѣ возможности, восполняли недостатки казеннаго питанія.

Первѣе всего, къ услугамъ бурсаковъ являлись крестьянки изъ пригороднаго села Краснаго съ молокомъ. Въ скоромные дни однѣ и тѣ же бабы,

приобрѣтшія извѣстность у бурсаковъ и наладившія у нихъ торгъ, рано утромъ стояли у воротъ бурсы съ изряднымъ количествомъ молочнаго товара, привозимаго сюда большею частію въ стеклянной посудѣ, въ штофахъ и полштофахъ, и весь, привозимый ими товаръ, мигомъ раскупался. И дешево мы платили за это молоко: на мѣдный пятакъ (1½ копѣйки серебромъ) купленнаго молока весьма достаточно было для двухъ особъ. Пили это молоко съ хлѣбомъ, который брали у хлѣбника, сколько было нужно, и завтракъ выходилъ питательный. Молоко доставлялось очень хорошее.

Въ постные дни, кто могъ, покупалъ булки, которыя тоже, какъ и молоко, приносили къ воротамъ бурсы. И къ молоку иные вмѣсто хлѣба покупали булки. Цѣна булокъ была двѣ, три копѣйки.

А. Ключаревъ сообщаетъ еще, что утромъ въ бурсу являлся сбитенщикъ съ калачами, предлагая за три копѣйки два стакана сбитня и калачъ¹⁾. Но у меня изъ памяти исчезло это явленіе сбитенщиковъ предъ воротами бурсы. Я не отрицаю этого. Но я, по крайней мѣрѣ, никогда не позволялъ себѣ этого удовольствія. Вмѣсто чая нѣкоторые (немногіе впрочемъ) пили кофе, простой черный цикорій, который продавался въ цилиндрическихъ палочкахъ, обернутыхъ въ синюю бумагу, и былъ очень дешевъ. Для этого кипятили воду въ жестяныхъ или мѣдныхъ чайникахъ. Пили кофе, иногда съ молокомъ, а иногда безъ молока, и всегда съ угрызениемъ сахара. Эту роскошь и я позволялъ себѣ.

Говоря о столѣ, не могу не упомянуть, въ похвалу семинарскому начальству, и эконому, о нѣкоемъ утѣшеніи велиемъ, которое доставлялось намъ въ иные исключительные дни,—именно, въ праздники Рождества Христова и святой Пасхи, когда въ бурсѣ оставалось иной разъ человекъ двѣнадцать. Въ эти дни у насъ за обѣдомъ являлся и гусь, и поросенокъ, а на Пасху еще и куличъ, и красныя яйца, и мы продовольствовались ничуть не хуже, чѣмъ члены достаточныхъ семействъ въ духовенствѣ. А въ масляницу насъ не оставляли безъ блиновъ.

Въ воскресные и праздничные дни видоизмѣнялся порядокъ будничной жизни. Наканунѣ праздничныхъ дней не было регулярныхъ вечернихъ занятій; а всѣ, живущіе въ бурсѣ, должны были ходить въ церковь на всенощную. Въ Залыбедской части города была одна только приходская церковь—Воскресенская, стоящая въ близкомъ разстояніи отъ прежняго зданія бурсы, и въ нее должны были ходить бурсаки. Отъ праздника Воздвиженія Честнаго Креста до Благовѣщенія во всѣхъ городскихъ церквахъ всенощныя служились очень рано; звонъ былъ во всѣхъ церквахъ въ три часа утра; послѣ перваго удара въ колоколъ въ архіерейскомъ монастырѣ начинали звонить во всѣхъ церквахъ одновременно. Но для бурсаковъ въ этотъ періодъ года, когда во всѣхъ церквахъ всенощныя отправлялись утромъ, всенощная въ Воскресенской церкви служилась съ вечера, въ шесть часовъ, и звона къ ней не было. Но знали о томъ, что въ Воскресенской церкви идетъ подъ праздникъ служба съ вечера, и потому кромѣ живущихъ въ бурсѣ за все-

¹⁾ Исторія Влад. д. семинаріи. Вып. 2, стр. 208.

нощной, для нихъ служившейся, бывало много молящихся изъ горожанъ. Служилъ всенощную обыкновенно не приходскій священникъ (онъ долженъ былъ отправлять всенощную утромъ въ три часа), а одинъ изъ преподавателей семинаріи, Иванъ Ивановичъ Извольскій, священникъ Дмитріевскаго безприходнаго собора, не отопляемаго зимой, въ которомъ съ утра службы не было. Вѣроятно, ему за это полагалась небольшая плата. Очень часто на эту вечернюю всенощную прїѣзжали ректоръ и инспекторъ семинаріи, жившіе въ архіерейскомъ Рождественскомъ монастырѣ. По ихъ распоряженію, во время этой всенощной должны были пѣть въ Воскресенской церкви семинарскіе пѣвчіе, и прекрасное пѣніе ихъ привлекало многихъ богомольцевъ на беззвонное вечернее богослуженіе. Семинарскіе пѣвчіе, по окончаніи всенощной, не шли по своимъ квартирамъ, а направлялись въ бурсу, здѣсь вмѣстѣ съ бурсаками ужинали и здѣсь же ночевали, располагаясь по разнымъ номерамъ, гдѣ были свободныя койки. Въ три часа утра, когда мы всѣ спали, пѣвчіе вставали и, поспѣшно собравшись, шли въ соборъ къ заутрени, гдѣ они по договору, съ разрѣшенія семинарскаго начальства, за извѣстную плату пѣли круглый годъ въ праздничные дни, за исключеніемъ вакаціального времени. Въ семинарскомъ хорѣ моего времени между прочимъ пѣлъ альтомъ Илья Тихоновичъ Экземплярскій, впоследствии Іеронимъ, архіепископъ виленскій, а потомъ варшавскій, въ зрѣлые годы обладавшій прекраснымъ теноромъ, и во время студенчества въ академіи и потомъ по окончаніи академическаго курса восхищавшій богомольцевъ церкви Братскаго монастыря художественнымъ выполненіемъ теноровыхъ партій въ концертномъ пѣніи при богослуженіи. Я былъ въ словесности или низшемъ отдѣленіи семинаріи, когда онъ, вмѣстѣ съ другими пѣвчими приходилъ изъ церкви въ бурсу, и спалъ онъ обыкновенно въ томъ номерѣ (пятомъ), въ которомъ я жилъ въ первые два года пребыванія въ бурсѣ. Фамилія Экземплярскихъ была пѣвучая. Старшій братъ Ильи Тихоновича (преосв. Іеронима) Теодоръ Тихоновичъ былъ принятъ въ архіерейскій хоръ и пѣлъ басомъ. Въ свое время и отецъ ихъ тоже былъ въ архіерейскихъ пѣвчихъ.

Семинарскій хоръ, во время моего обученія въ семинаріи, былъ прекрасный, не уступалъ архіерейскому хору, хотя архіерейскій хоръ комплектовался главнымъ образомъ изъ пѣвчихъ семинарскаго хора, переманивая къ себѣ изъ него лучшія силы, и разъ принятые въ хоръ пѣвцы съ сильными голосами потомъ долгое время не выпускались изъ него: нѣкоторые изъ нихъ состояли въ хорѣ до глубокой старости. За ними зачислялись священническія мѣста иногда въ отдаленныхъ селахъ; они получали священный санъ, но не служили тамъ, гдѣ за ними зачислялись мѣста, а только получали оттуда часть доходовъ, живя во Владимірѣ и состоя въ хорѣ; службу же за нихъ отправляли другіе. Такой порядокъ былъ во Владимірской епархіи, при Преосв. Паренія, который любилъ пѣвчихъ, и всегда, при пріемѣ новаго пѣвца въ хоръ, самъ испытывалъ его голосъ.

Первымъ баритономъ-солистомъ въ семинарскомъ хорѣ моего времени былъ Дм. Сокольскій, отецъ В. Дм. Сокольскаго, преподавателя Кіевской се-

минаріи. Но силу и славу хора составлялъ Василій Егорычъ Лебедевъ, обладавшій феноменальнымъ басомъ. Своимъ могучимъ голосомъ онъ снискалъ въ городѣ большую популярность, и читатели голосового дара, данного ему природою, при встрѣчѣ съ нимъ, старались высказать ему свое вниманіе. Идешь на улицѣ (разсказывалъ онъ), попадаетъ ему какой-либо купчикъ, совершенно ему не знакомый, зоветъ къ себѣ и угощаетъ. Другой приглашаетъ его въ трактиръ и предлагаетъ ему потребовать для себя, что ему угодно. Женился во Владимірѣ богатый купецъ. На вѣнчаніе для пѣнія приглашенъ былъ архіерейскій хоръ; а Василя Егорыча отдѣльно пригласили только для того, чтобы онъ прочиталъ апостолъ, и за чтеніе апостола заплатили ему, семинаристу, десять рублей. По окончаніи семинарскаго курса онъ былъ приглашенъ во Владимірскій архіерейскій хоръ, но оттуда онъ скоро перешелъ въ Москву въ Чудовскій митрополичій хоръ, и затѣмъ опредѣленъ былъ діакономъ въ Московскій Успенскій соборъ, но скончался въ молодыхъ годахъ, кажется, отъ тифа; по краткости служенія своего въ санѣ діакона онъ не успѣлъ воспользоваться вполне тѣмъ вниманіемъ и тою славою, какими москвичи награждаютъ голосистыхъ діаконовъ. Когда онъ уѣзжалъ въ Москву, Владимірскіе купцы на свой счетъ на тройкахъ проводили его туда, конечно, со всѣмъ усердіемъ напередъ угостивши его.

Заговоривъ о пѣвчихъ, я прервалъ нить своихъ воспоминаній о своемъ житіи въ бурсѣ. Продолжаю начатую рѣчь о томъ, какъ проводили мы воскресные и праздничные дни. Утро или начало дня ознаменовывалось тѣмъ, что мы шли въ церковь къ литургіи. Ученики средняго и низшаго отдѣленія, по распоряженію начальства, ходили обыкновенно къ ранней литургіи, которую въ Воскресенской церкви во все время моего пребыванія въ семинаріи служилъ священникъ, состоявшій въ архіерейскомъ хорѣ, не имѣвшій прихода въ городѣ, а числившійся священникомъ какого-то села. Къ поздней литургіи въ ту же Воскресенскую церковь ходили только богословы, ученики высшаго отдѣленія, а изъ низшаго и средняго отдѣленія только тѣ, которые принимали участіе въ пѣніи. На клиросѣ пѣли бурсаки, хотя правильнаго формальнаго хора изъ нихъ не составлялось. Отстоявшіе раннюю обѣдню въ своей церкви часто не ограничивались этимъ, а шли къ поздней литургіи или въ соборъ, или въ церковь архіерейскаго монастыря, гдѣ было болѣе торжественное богослуженіе и гдѣ пѣли или семинарскіе, или архіерейскіе пѣвчіе.

За тѣмъ день былъ въ полномъ распоряженіи cadaго. Каждый дѣлалъ, что хотѣлъ, ни кѣмъ и ни чѣмъ не стѣсняемый. Иные ходили гулять въ городъ. Кто имѣлъ родныхъ или знакомыхъ, къ нимъ отправлялся. Выходъ изъ общежитія былъ свободный и безпрепятственный: въ праздники можно было отлучаться безъ всякаго спроса и безъ всякой записи въ книгѣ. Кто оставался въ общежитіи, тѣ или занимались своимъ урочнымъ школьнымъ дѣломъ, или читали какую-либо стороннюю книгу, попавшуюся имъ и почему-либо интересную для нихъ. Такъ какъ полученіе стороннихъ интересныхъ книгъ соединено было съ нѣкоторыми затрудненіями, то, если попадется такая книга кому-либо въ руки, ее читаютъ сразу цѣлою компаніею,

то есть, одинъ читаетъ, а человѣкъ пять или шесть слушаютъ. Устанетъ первый чтецъ, беретъ книгу и читаетъ другой въ той же компаніи. Помню, такъ цѣлыми компаніями въ мое время съ интересомъ читались романы Дюма и Евгенія Сю, и время праздничное для такихъ занятій было самое благопріятное.—Тѣ, для кого книга не была насущною потребностію, просто отдыхали, не занимаясь ничѣмъ серіознымъ, не утомляя себя безъ нужды занятіями, требующими какого-либо умственного напряженія.—Лѣтомъ большинство проводило праздничное время въ саду. Здѣсь, на свѣжемъ воздухѣ, среди густой зелени, было полное раздолье, гдѣ съ удобствомъ можно было проводить гулящій день. Но физическихъ или гимнастическихъ упражненій, кромѣ прогулки и разныхъ видовъ безыскусственного моціона, не было никакихъ. Немного было любителей игры въ шашки. Но картъ я ни у кого не видалъ въ рукахъ: никакой картежной игры въ мое время у бурсаковъ не было. Были любители русскихъ пѣсень: такіе заливались соловьями въ свободное время, и пѣніе ихъ большею частію было очень пріятное; съ удовольствіемъ можно было слушать такихъ пѣвцовъ-любителей. Благодаря совмѣстному жительству сотни молодыхъ людей, у семинаристовъ, жившихъ въ бурсѣ, былъ обширный разнообразный пѣсенный ренертуаръ. При совмѣстной жизни содержимое однимъ легко передавалось другимъ. Характерная пѣсня, хорошо исполняемая однимъ, усвоилась другими его сожителями, любившими въ благодущіи поцѣть. Черезъ это образовалось накопленіе поэтического пѣсеннаго матеріала, который у живущихъ вмѣстѣ чуть не дѣлался общимъ достояніемъ. Были любимыя пѣсни, которыя особенно часто и хорошо исполнялись. Но эти любимыя пѣсни не держались неизмѣнно, а измѣнялись съ годами: новыя пѣсни часто вытѣсняли старыя любимыя пѣсни.

Вечеръ предпраздничнаго дня заканчивался обычными школьными занятіями, какія полагались и въ будніе дни.

Вотъ какія воспоминанія сохранились у меня о жизни во Владимірской бурсѣ въ старые годы, въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія (1846—1851). Въ нихъ нѣтъ ничего тяжелаго, удручающаго душу.
